

ЗАПИСКА

Совѣта Императорскаго Харьковскаго университета

по вопросу объ условіяхъ, при которыхъ возможно достиженіе нормальнаго теченія университетской жизни.

Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, въ засѣданіи своемъ 21 января, постановилъ ходатайствовать о пріостановкѣ учебныхъ занятій на двѣ недѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ избралъ комиссію для опредѣленія условій, при которыхъ возможно было бы достиженіе нормальнаго теченія университетской жизни. Комиссія выработала особую записку, которая затѣмъ подвергалась обсужденію въ засѣданіяхъ 4, 14 и 17 Февраля, 1 и 10 Марта и окончательно въ засѣданіи 15 Марта с. г. принята въ нижеслѣдующей редакціи.

Временное закрытіе университетовъ—явленіе не новое и многократно практиковавшееся, особенно въ послѣдніе годы, при томъ не въ однихъ университетахъ, а и во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Совершенно новымъ является тотъ фактъ, что такая мѣра принята не университетскимъ начальствомъ, а по инициативѣ самой университетской коллегіи, при томъ безъ наличности студенческихъ беспорядковъ. Ходатайство Совѣта о временномъ пріостановленіи явилось результатомъ того тяжелаго угнетеннаго состоянія, въ которомъ находились не только студенты, но и профессора, все интеллигентное русское общество и даже до извѣстной степени народная масса и которое въ свою очередь объясняется причинами, лежащими внѣ университета—событіями нашей политической и общественной жизни въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ и особенно въ январскіе Петербургскіе дни. Что здѣсь дѣйствовали причины общаго, а не мѣстнаго характера, это съ полною очевидностью доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что пріостановка учебныхъ занятій совершилась почти одновременно чуть ли не во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Фактъ—небывалый даже въ лѣтописяхъ нашей высшей русской школы. Профессора, какъ люди зрѣлаго или даже преклоннаго возраста, привыкшіе владѣть собою и всякое явленіе, какъ бы оно ни волновало ихъ, подвергать въ качествѣ людей науки прежде всего критическому анализу, могли сохранить и дѣйствительно сохранили въ достаточной мѣрѣ хладнокровіе. Они ограничились выраженіемъ своихъ взглядовъ и пожеланій

въ адресѣ Московскому Университету по случаю его полуторастолѣтняго юбилея. Однако такого же отношенія къ событіямъ со стороны учащейся молодежи, конечно, трудно было ожидать. Болѣе пылкая, болѣе впечатлительная она была взволнована текущими событіями, какъ это было засвидѣтельствованно въ Совѣтѣ, чрезвычайно сильно и это настроеніе могло выразиться въ активныхъ дѣйствіяхъ, всегда влекущихъ за собою у насъ при нынѣшнемъ режимѣ, тяжелыя жертвы. Университетъ во время забастовокъ съ обструкціей переживалъ такой кризисъ, повтореніе котораго явилось бы, при нынѣшнемъ возбужденіи во всѣхъ слояхъ общества, чѣмъ то роковымъ. При такихъ условіяхъ, необходимо было дать время всѣмъ успокоиться, чтобы открыть послѣ краткаго перерыва университетъ для правильныхъ занятій съ большою надеждою на успѣхъ. Этимъ временемъ Совѣтъ воспользовался также для того, чтобы составить записку для Министерства Народнаго Просвѣщенія о неотложныхъ нуждахъ университета. Въ теченіе многихъ лѣтъ университетская коллегія обречена была на вынужденное бездѣйствіе и пассивное отношеніе къ печальнымъ, періодически повторявшимся потрясеніямъ университетской жизни. Но въ переживаемое нами тяжелое время профессорская коллегія считаетъ такое безучастіе съ своей стороны далѣе невозможнымъ и усматриваетъ исполненіе своего долга передъ правительствомъ, родиной, просвѣщеніемъ и учащейся молодежью въ томъ, чтобы, съ полною откровенностью и сознаніемъ лежащей на ней служебной и нравственной отвѣтственности, высказать свой взглядъ на неотложныя нужды университета, на условія, при которыхъ въ немъ сдѣлалась бы возможной правильная академическая жизнь. Быть можетъ, косвеннымъ результатомъ этого явится и нѣкоторое успокоеніе молодежи; но мы говоримъ потому, что молчать при данныхъ условіяхъ невозможно.

Мы исходимъ изъ того основнаго положенія, раздѣляемаго всѣми безъ исключенія членами нашей коллегіи, что университеты должны преслѣдовать только широкія образовательныя и научныя, т. е. академическія цѣли, но въ этой сферѣ имъ должна быть предоставлена самая широкая свобода. Ихъ нужно поставить въ такія условія, при которыхъ они могли бы доставлять максимумъ тѣхъ духовныхъ благъ, которыхъ отъ нихъ вправѣ требовать страна и народъ, дающіе необходимыя средства на ихъ содержаніе. Въ такомъ смыслѣ Харьковскій университетъ высказывался неоднократно. Такой отвѣтъ официально далъ онъ и въ 1901 году, когда Министерство Народнаго Просвѣщенія обратилось къ нему съ рядомъ запросовъ о мѣрахъ, какія необходимы для университетской реформы. Совѣтъ Харьковского университета составилъ тогда подробную, обстоятельную записку, въ которой ясно и опредѣленно указалъ на недостатки нынѣ дѣйствующаго устава 1884 года. и—что особенно важно—его заключенія совершенно почти совпали съ отзывами другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній вообще. Доказано было, что въ основу этого устава

положенъ чисто бюрократическій принципъ, совершенно уничтожившій и университетскую автономію, и коллегіальное начало, и свободу научнаго изслѣдованія, и свободу академическаго преподаванія, и свободу слушанія лекцій студентами; кромѣ всего этого онъ попрежнему оставилъ въ ненормальномъ положеніи учащихся, признавая ихъ только „отдѣльными посѣтителями“ университета и безъ нужды стѣснивъ полицейскими мѣрами инспекціи, которая, по мнѣнію Совѣта, должна подлежать упраздненію. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія была образована коммиссія, которая, съ участіемъ профессоровъ, избранныхъ Совѣтами, внимательно обсудила записки всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и выработала изъ нихъ одну сводную. Но вся эта огромная и цѣнная работа пропала даромъ; всѣ труды сданы были въ архивъ. Университеты очутились съ 1901 года въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ были прежде. До того времени они надѣялись на реформу. Теперь же они должны были остаться при томъ строѣ, который ими самими былъ признанъ въ корнѣ непригоднымъ, не только не соответствующимъ потребностямъ времени, но приносящимъ прямой вредъ. Даже съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ едва ли возможно оставлять ту форму организаціи учреждений, которая, по всеобщему признанію лицъ, призванныхъ въ ней дѣйствовать и работать, отжила свой вѣкъ и является въ лучшемъ случаѣ какимъ то мертвеннымъ пережиткомъ, лишеннымъ „духа жива“. Уставъ 1884 года уже въ самой идеѣ своей таилъ элементы разложенія и смерти, ибо вызванъ былъ къ жизни не интересами науки и образованія, а посторонними видами и соображеніями. А послѣдующія прибавки къ нему, подъ часъ крайне неудачныя, нисколько не помогали дѣлу: онъ ими только расшатывался и дискредитировался въ глазахъ учащихся и учащихся, которые вынуждены были все таки ему подчиняться и работать въ тяжелыхъ условіяхъ, имъ созданныхъ.

Университетская реформа на началахъ автономіи не могла осуществиться. Основная причина неудачи заключалась въ томъ, что ее пытались ввести независимо отъ осуществленія общей гражданской свободы. Могло ли правительство даровать автономію университетамъ, если оно стремилось къ ослабленію существовавшихъ уже земскихъ и городскихъ самоуправленій? Еще Н. И. Пироговъ установилъ твердое положеніе о тѣсной связи университетовъ съ политическою жизнью общества.

„Иные смотрятъ на университеты, писалъ онъ, какъ на что то отдѣльное, какъ на храмъ Весты. Положимъ, это взглядъ, приносящій честь и университету, и тѣмъ, которые такъ смотрятъ. Но на дѣлѣ—и это немногіе знаютъ—университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени. И нашъ университетъ выражаетъ это еще болѣе, чѣмъ всѣ западные, потому что въ нашемъ мало

сословнаго и вовсе нѣтъ преданія или оно очень слабо. Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ; университетъ есть и лучший барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать—лучше все таки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать. Этотъ взглядъ на университеты подтверждаетъ исторія. Гдѣ политическая жизнь общества качается ровно, какъ часовой маятникъ, гдѣ политическія страсти изъ высшихъ сферъ не доходятъ до незрѣлаго поколѣнія, тамъ въ университетѣ выступаетъ на первый планъ его прямое назначеніе—научная дѣятельность. Университетъ дѣлается тамъ барометромъ просвѣщенія. Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты, въ жизни свои; иногда и тѣ, и другіе сходятся; но всѣ переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а черезъ нее и на университетѣ. Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко черезъ всѣ слои общества, они уже неясно отражаются на университетѣ. Но тѣмъ болѣе настигаютъ они общество въ располхъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ. У насъ едва повѣяло новою жизнью, едва общество почувствовало новое стремленіе—и тотчасъ же появились рефлексивныя движенія въ университетѣ. Но отражательныя движенія не могутъ быть цѣлесообразны и потому они переходятъ въ безпорядки“.

Всякая попытка разобраться въ университетскомъ вопросѣ, независимо отъ общаго строя, обречена на неизбѣжную неудачу. Это убѣдительно подтверждается крахомъ устава 1863 года. Уставъ этотъ разрабатывался лучшими силами нашей страны. Къ его выработкѣ и отшлифовкѣ были привлечены многіе выдающіеся университетскіе дѣятели западной Европы. Въ основу его были положены освободительныя и гуманитарныя идеи Пирогова, Андреевскаго, А. Бекетова, Бутлерова, Чичерина, Кавелина, Каченовскаго и другихъ свѣтилъ русской мысли. Университетамъ дана была широкая автономія. Все, казалось, сулило долгую и счастливую жизнь новорожденному уставу и русскимъ университетамъ. Былъ только невыполненъ завѣтъ Н. И. Пирогова—о гласности, т. е. свободѣ мысли и слова; административная опека, въ особенности надъ учащейся молодежью, осталась въ силѣ; просвѣщеніе подчинено контролю политики. И чтоже? не прошло и десяти лѣтъ—и ото всѣхъ благихъ начинаній не осталось и слѣда. Уставъ быстро выродился, университеты падали. Молодежь стала отворачиваться отъ нихъ, профессура терять свою притягательную силу. Общество къ нимъ охладѣло и когда графъ Толстой наложилъ свою руку на уставъ 1863 года, онъ уже не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія ни въ обществѣ, ни въ университетахъ, такъ какъ послѣдніе находились въ агоніи. Размышляя о судьбѣ университетовъ въ нашемъ отечествѣ, нужно всегда въ головѣ и предъ глазами имѣть поучительную исторію устава 63-го года.

Яркимъ доказательствомъ тѣсной, непосредственной зависимости университетовъ отъ политическихъ условій нашей жизни служатъ студенческія волненія. Возникая на почвѣ внутреннихъ неурядицъ и несовершенствъ уставовъ, волненія эти, въ теченіе своего развитія, почти всегда получали нѣкоторую политическую окраску. Администрація же и даже учебное начальство слишкомъ уже просто объясняли причину волненій, приписывая ее проникновенію въ среду студенчества „злонамеренныхъ“ людей, которые возбуждали молодежь ради своихъ чисто политическихъ цѣлей. Но такіе дальновидные педагоги, какъ Н. И. Пироговъ, рано уразумѣли основную причину волненій молодежи и высказывали теперь уже не подлежащую никакому сомнѣнію мысль, что не одни несовершенства устава, но главнымъ образомъ, можетъ быть, недостатки всего политическаго и гражданскаго строя вызываютъ ихъ. Правительство же, попрежнему полагая, что все дѣло въ преступной дѣятельности подстрекателей, по прежнему старалось водворить миръ, согласіе и спокойствіе среди молодежи круглыми репрессивными мѣрами, начиная отъ увольненія, исключенія, восходя до административной высылки и кончая лишеніемъ свободы и отдачей въ солдаты, упуская изъ виду, что такимъ образомъ создаются быстро растущіе кадры недовольныхъ, часто лишенныхъ всякихъ средствъ существованія и потому на все готовыхъ. Несмотря на всѣ эти мѣры, интенсивность, количество и размѣры волненій все росли и увеличивались. Это убѣдительно доказываетъ, что ихъ корень и источникъ лежатъ внѣ университета и молодежи, которая является только лишь *locus minoris resistentiae* для тѣхъ идей и чувствъ, которыми пропитана вся атмосфера русской жизни. Единственнымъ безспорнымъ результатомъ этихъ мѣръ нужно признать систематическое выбрасываніе за бортъ извѣстной части учащейся молодежи.

Ни одного волненія не обходилось безъ того, чтобы значительный процентъ учащихся не подвергался удаленію или исключенію изъ университета. Одни изъ удаленныхъ черезъ нѣкоторое время снова попадали въ университетъ, иногда для того чтобы вторично быть уволенными изъ него, другіе уже не возвращались обратно. Такимъ образомъ, для однихъ 4-хъ и 5-ти лѣтній университетскій курсъ превращался въ многолѣтній, а для другихъ онъ совсѣмъ обрывался. А въ концѣ концовъ отъ этого больше всего страдаетъ страна, крайне нуждающаяся въ образованныхъ дѣятеляхъ, тѣмъ болѣе что почти всегда выбрасываются за бортъ во время беспорядковъ и очень талантливые молодые люди; относясь съ увлеченіемъ къ научнымъ занятіямъ, они не могутъ атрофировать въ себѣ отзывчивости на явленія окружающей жизни. И это понятно. Учащаяся молодежь—не враждебная нація, а подростающее поколѣніе, идущее на смѣну намъ; на немъ, какъ на самомъ чуткомъ элементѣ русской интеллигенціи, особенно замѣтно отражается все то, что волнуетъ въ большей или меньшей степени и болѣе зрѣлую часть общества—это же послѣднее само никогда не оставалось спокойнымъ и

удовлетвореннымъ. Этимъ и объясняется, почему самыя строгія и рѣшительныя мѣры, пока существуетъ недовольство въ обществѣ, не приводятъ къ цѣли, а приносятъ одинъ вредъ.

Точный размѣръ той потери молодыхъ силъ, которую понесло русское общество за полстолѣтіе, не поддается подсчету, но есть косвенный способъ судить о размѣрѣ этой убыли по тѣмъ наиболѣе счастливымъ единицамъ, матеріальное положеніе которыхъ позволяетъ имъ, послѣ крушенія въ русскомъ университетѣ, продолжать свое образованіе за границей. Будущій историкъ отмѣтитъ этотъ единственный въ своемъ родѣ въ исторіи патологическій фактъ учебной эмиграціи нашей молодежи. Студенты русскаго происхожденія встрѣчаются въ большомъ числѣ не только въ столичныхъ университетахъ—въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, не только въ такихъ крупныхъ центрахъ науки, какъ Лейпцигъ, Мюнхенъ, Боннъ, Гейдельбергъ, и въ Швейцарскихъ университетахъ, но и во многихъ маленькихъ скромныхъ уголкахъ, какъ Геттингенъ, Іена, Монпелье и пр. По отзывамъ профессоровъ заграничныхъ университетовъ и высшихъ школъ, русскіе студенты и студентки отличаются трудолюбіемъ и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Одни изъ нихъ, изучивъ какую либо спеціальность, возвращаются въ Россію, а другіе иногда очень способные и энергичные остаются за границей. Изъ этихъ юношей, которымъ не нашлось мѣста въ русскихъ университетахъ, уже вышло не мало талантливыхъ представителей науки—ассистентовъ, доцентовъ, профессоровъ тѣхъ самыхъ заграничныхъ университетовъ, гдѣ они получили высшее образованіе. Одинъ изъ выдающихся Германскихъ университетскихъ дѣятелей (Вальдейеръ) высказалъ по этому поводу свое искреннее удивленіе, какимъ образомъ русская интеллигенція, не смотря на продолжающееся въ теченіе полулѣтія систематическое выбываніе изъ университетскаго строя ея лучшихъ силъ, все же сохраняетъ свою живучесть, энергію и оказывается столь богатой умственными и моральными силами. (Не говоримъ уже объ эмиграціи профессоровъ).

И въ Западной Европѣ наблюдалось, что при государственномъ строѣ, несоотвѣтствовавшемъ политическому развитію народа, хронически повторялись студенческія смуты, не смотря на самыя строгія мѣры, принимавшіяся правительствомъ. Въ Германіи студенческія волненія достигли своего наибольшаго напряженія въ 40-хъ годахъ. Когда же политическій строй нѣмецкой жизни обновился и вылился въ новую болѣе совершенную форму, волненія въ университетахъ сдѣлались исключительнымъ явленіемъ и вчерашніе бунтари превратились въ спокойную учащуюся массу, ревниво оберегавшую честь и порядокъ университетской жизни. Аналогичное явленіе наблюдалось въ Италіи и Испаніи. Въ настоящее время во всѣхъ культурныхъ государствахъ стараго и новаго міра прочно установилась свобода университетовъ. Наука и ея ученіе свободны—таковъ девизъ современной западно-европейской жизни, осу-

ществленный благодаря господствующей тамъ политической свободѣ. И характерно, что при этой свободѣ или, точнѣе говоря, вслѣдствіе ея въ университетахъ преслѣдуются только просвѣтительныя, а не политическія цѣли. Область науки отмежована отъ практической жизни и дѣятельности. И тѣмъ, и другимъ интересамъ отведено должное мѣсто. Россія должна пойти по тому же пути. При страшной конкуренціи народовъ, въ ихъ экономической и политической борьбѣ, нашему отечеству необходимо вызывать къ жизни, бережно охранять и всесторонне развивать все то, что составляетъ ея умственный капиталъ, который служить не только основой культуры, но и главнымъ источникомъ экономической и политической мощи страны. А извѣстно, что русская наука главнымъ образомъ культивируется въ университетахъ. Поэтому, необходимо, чтобы и въ нашемъ отечествѣ также получилъ признаніе и практическое осуществленіе принципъ свободной науки въ обновленной Россіи.

Наше общество, подъ вліяніемъ историческихъ событій, быстро развивалось въ политическомъ отношеніи и стало ясно сознавать то, что раньше только смутно чувствовало. Искусственная задержка на 40 лѣтъ въ развитіи русской государственной жизни послѣ „эпохи великихъ реформъ“ 60-хъ годовъ сдѣлала свое дѣло—вызвала нынѣшнее бурное общественное движеніе.

Событія послѣднихъ 6 мѣсяцевъ въ нашей внутренней жизни не могли не отразиться на всѣхъ русскихъ университетахъ. Новый руководитель внутренней политики въ Россіи, кн. Святополкъ-Мирскій обратился ко всему русскому обществу съ призывомъ къ довѣрію. Общество откликнулось на этотъ призывъ и воочію показало, что въ немъ самомъ давно уже таилось множество запросовъ и неудовлетворенныхъ потребностей чисто политическаго характера. И уже теперь можно положительно утверждать, что такого могучаго общественнаго движенія еще никогда не было въ Россіи. Оно захватило буквально все образованное общество и перешло въ болѣе широкіе, чисто народныя круги, которые раньше въ немъ въ такой мѣрѣ не участвовали. Оставляя въ сторонѣ разнаго рода эксцессы, столь естественныя при слабомъ развитіи правильнаго политическаго воспитанія у русскихъ гражданъ, мы должны констатировать тотъ отрадный фактъ, что на этотъ разъ заговорила не учащаяся молодежь, а зрѣлая часть общества. Пресса, явившаяся выразительницей общихъ настроеній, необычайно оживилась и приобрѣла огромное вліяніе. Особенное значеніе имѣютъ нѣ нашихъ глазахъ заявленія земскихъ и городскихъ учреждений, выражающихъ въ значительной мѣрѣ мнѣнія цѣлыхъ группъ населенія. Многочисленные адреса и ходатайства, принятые и подписанные учреждениями, которымъ само правительство довѣрило мѣстное управленіе, служатъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ того, что указываемыя ими общія нужды составляютъ назрѣвшую потребность русскаго общества. Во всѣхъ этихъ

заявленіяхъ мы замѣчаемъ два основныя положенія: 1) что настала въ Россіи неотложная пора обезпечить личность, даровать свободу слова, печати, союзовъ и собраній, 2) что свободное развитіе отдѣльныхъ учреждений немислимо безъ общаго правопорядка, гарантированнаго основнымъ закономъ, съ привлеченіемъ къ управленію представителей народа по его свободному избранію. Конечно, это движеніе, всколыхнувшее всѣхъ, не могло не захватить и университетовъ, требующихъ такой же коренной реформы, какъ и всѣ остальные учрежденія въ нашемъ отечествѣ—судъ, земство, города и т. д. Они сознаютъ, что не могутъ оставаться въ сторонѣ отъ могучаго порыва къ обновленію, охватившаго не только общество, но и правительство, что имъ, какъ воздухъ для дыханія, необходима свобода личности, слова, печати, союзовъ и собраній вмѣстѣ съ общей коренной реформой. Университетъ не есть отдѣльное учрежденіе, стоящее особнякомъ, какъ пристройка къ общественному зданію. Университетская жизнь менѣе, чѣмъ какая либо другая сфера, можетъ быть трактуема изолировано внѣ связи съ ея общимъ строемъ. Нельзя отрицать, что есть много частныхъ университетскихъ вопросовъ специальныхъ и даже чисто техническихъ. Эти вопросы могутъ съ успѣхомъ обсуждаться въ специальныхъ коммисіяхъ, но надъ всѣми этими частными вопросами и въ то же время глубоко подъ ними существуетъ общій университетскій вопросъ—о русской высшей школѣ, какъ объ одномъ изъ угловъ всего зданія русской жизни. Нужно помнить, что университетскій уставъ, при которомъ возможно свободное и правильное развитіе русской науки, русской мысли и русской молодежи, можетъ быть лишь одной изъ главъ великаго государственнаго устава Русской земли.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что при существующихъ условіяхъ, достиженіе правильнаго и прочнаго теченія академической жизни невозможно. Единственнымъ выходомъ изъ нынѣшняго ненормальнаго положенія необходимо признать неотложную коренную реформу университетовъ, при участіи ихъ представителей, на началахъ полной автономіи и академической свободы. Но и самое проведеніе этой реформы и ея дальнѣйшее прочное существованіе, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ быть достигнуто только при осуществленіи общей реформы нашего государственнаго строя, введеніемъ основныхъ законовъ, гарантирующихъ свободу совѣсти, слова, печати, неприкосновенность личности и жилища, свободу союзовъ и собраній, вообще закономѣрныя правовыя начала во всѣхъ сферахъ нашей жизни и участіе народа въ законодательствѣ и государственномъ управленіи при посредствѣ свободно избранныхъ представителей.